

О некоторых компонентах мужской традиции в духовной культуре донских казаков

(На материале, собранном в Усть-Донецком районе*)

Морячков Н.

Ростовский государственный университет,

г. Ростов-на-Дону

Изучение мужской традиции в духовной культуре донских казаков для постижения ее своеобразия является чрезвычайно важной задачей. Некоторые особенности формирования и развития как донского казачьего субэтноса, так и его культуры уже становились предметом научного этнолингвистического исследования [1]. Среди них можно назвать полиэтнический характер формирования социума, отрыв от материнской славянской традиции, дальнейшее воссоздание элементов земледельческой культуры [2]. Очевидно, что складывавшаяся мужская культура, субъектом которой являлся казак-воин, составляет оригинальный пласт традиции, отличающий ее от других локальных вариантов. В предлагаемой статье будут рассмотрены некоторые компоненты мужской традиции, реконструируемые на основе полевых материалов Фольклорно-этнолингвистической экспедиции РГУ из ст. Раздорской и окрестных хуторов.

Рождение мальчика у казаков, так же как и у русских, считалось большим счастьем, так как каждый мужчина получал еще при рождении надел земли, так называемый «пай». Однако в материалах есть указание на то, что мальчику делались особые подарки «на зубок»: «Дед с бабкой идут, тетка там, абизательна нисуть какой-та падарак. Или авечку дорють, или худобу какую-та там, чи телка. «Это тебе внучик! Это тебе на твае щастя!» Типерь жы ни носят. А раньшы ище кастюмы дарили. Саблю дарили гадов в семь-восимь. Сабля та ж ни маленькая, она ж па зимле будит» [3]. На девочек это все не распространялось.

Сажали ребенка на коня с раннего возраста, что можно расценивать как элемент мужской инициальной обрядности: «Кагда сидеть он можыт, посодють иво на каня, да придерживають, чтоб ни упал» [3]. Но начиная с двух лет его регулярно сажали на коня. Если он мог схватиться за луку (выступающий изгиб переднего или заднего края седла), то это всегда примечали: «Сразу видна, что он будит наезьник хороший, сразу видна, что он будит настоящий салдат!» [3]. Таким образом, посадение на коня является способом определить дальнейшую судьбу и качества казака-воина.

В дальнейшем мальчики должны были научиться держаться в седле (для чего собственно при рождении ребенка и приобретали коня, чтобы они с раннего возраста привыкали друг к другу), а также хорошо орудовать пикой и шашкой. Лет с тринадцати мальчики участвовали в скачках. Проводились они каждый год после сбора урожая. Их приурочивали к престольному празднику иконы Донской Божьей матери (1 сентября). «Скачки у нас в Раздорах правадились ва втарой палавине дня, правадились у берига Дона. Такая равнина у нас, называли ее «гридина», ровная места. Начинались скачки с тех, кто готовился служить. У них уже были сваи лошади, ани уже готовились к служби. Парни, падроски. И вот первый заезд был, канешна, для парней, для таких молодых казаков. Навабранцы, каторыи готовились к служби. Сматрели, канешна, ни только на казака, но и на лошадь. Добрый конь, ухожыный, или какая-нибудь такая, тожы сматрели, какой он будит хозяин. Какая сбруя, ну затем как казак держится в сидле. Абизательна была рысь, затем скачки на скорость. Интиресна ва время скачик была такая праграма: рубка лазы. Устанавливали лозу, и казак должын был праскакать и на полном, ну, в основном эта галопом идет лошадь, а он должын саблей срубить лозу. Причем если промахнется, уже учитывали промах. Кто харашо прайдеть эта задание полностью, затем абизатильна паследняя там должна иль хвуражка, или шляпа, он должын паддеть. Затем заезды были па вазрасным группам. Маладежь, затем уже служилые казаки и дажы хто пастаршы. Причем в станицы да сих пор помнят, что умение владеть шашкой — это харашо. Но вот если две шашки, на две стороны рубить лозу, вот эта уже была искусства» [3].

Проводы в армию также являлись неотъемлемой частью жизни донских казаков. Повсеместно на территории Ростовской и Волгоградской областей фиксируются описания обрядов проводов в армию: перед выходом из дома казак должен был попрощаться с печью («чтобы здоровым вернуться», ст. Пятиизбянская, Волгоградская область), казаки стреляли в вереву (столб, на который навешивается створка ворот), в порог (ст. Казанская, Верхне-Донской район). В хуторе Каныгин Усть-Донецкого района был записан такой текст: «Раньшы

ленты привязывали. Когда в армию праважали, знамя брали, цвитами украшали [новобранца]. Я кагда первава внука праважала, гаварю: «Давай, мы тебе лентами пиривяжем». А он: «Баба, да ты что!» Были ленты краснаи, да так красивей жы и хватаграхвировали все» [3]. Лента – широко используемый в восточнославянской традиции предмет, «элемент украшения, выделяющий лиц по их половозрастному статусу и обрядовой роли и маркирующий ритуальные предметы-символы» [4, т. 3]. Поэтому использование ленты в инициальном обряде отвечает ее обобщенным семантическим характеристикам, однако в традиции восточных славян не зафиксировано обрядовое употребление подобное приведенному. Этот своеобразный акциональный символ – повязывание лентой – в дальнейшем потребует дополнительного анализа.

Еще одним компонентом, составляющим мужской элемент в культуре, являются масленичные кулачные бои, в которых участвовали, конечно же, мужчины, жившие либо в разных хуторах, либо в разных частях одного населенного пункта. В ст. Раздорской «сражались баски с гарадком, а затем баски сражались с балкай. Правил обычна не была, но знаю, был закон: «Лижачива ни бить» [3]. Участвовали в «кулáчках» люди разного возраста. Очевидно, были приняты какие-то возрастные ограничения: «В основном уже мужчины. Малалетак ни брали. Малолетки — где-та 14-15, эта до 16 лет. И болия старшые пакаление, стариков нет, ну а астальныи ризвилисьь» [3]. Однако ритуальное начало боя показывает, что это действие, в которое вовлекалось все мужское население, в том числе и мальчики: «Ну вот, выходить, стаять радители и дитей затрагивають: «Пойди-ка, дай иму», а тот уже больна сделал, начинают заступаться, пабольших падсылають. А патом ужо и до старых доходить» [3].

Таким образом, материал по мужской традиции в духовной культуре донских казаков, записанный в ст. Раздорской и окрестных хуторах, является важным источником изучения этой темы и может служить основой для сопоставительного исследования традиционной картины мира донских казаков на всей территории Ростовской области.

Историко-культурные и природные исследования
на территории РЭМЗ. Сборник статей, выпуск 2, 2004 г.

* Все тексты, использованные в статье, записаны во время экспедиции в ст. Раздорскую, х. Каньгин Усть-Донецкого района в 2001 г. При графической передаче текстов курсивом обозначается речь информаторов, обычным шрифтом – примечания собирателей.

Библиографический список

[1] Проценко Б.Н. Этнолингвистическая концепция происхождения и характера духовной культуры донских казаков // Наука о фольклоре сегодня: междисциплинарные взаимодействия. К 70-летию юбилею Федора Мартыновича Селиванова. М.: Диалог-МГУ, 1998. – С. 80-82.

[2] Проценко Б.Н. Культура донского казачества в исторической ретроспективе // Донские казаки в прошлом и настоящем. VI. Культура донского казачества. – Ростов-на-Дону: «ГинГо», 1998. – С. 390-399.

[3] Полевые материалы Фольклорно-этнолингвистической экспедиции РГУ.

[4] Славянские Древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под общ. ред. Н.И. Толстого. – Т. 1: А-Г. – 1995. – с. 584; Т. 2: Д-К. – М.: Междунар. отнош., 1999. – с. 704; Т. 3: К-П. – 2004. – с. 704.